

УДК 82.0+821.161.1

*С.В. Морозов***ТЕМА ДЕТСТВА В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»**

Проанализированы основные аспекты темы детства в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Описаны ключевые взаимосвязи между системой персонажей и пасхальным подтекстом произведения. Рассмотрена связь между фигурой А. Блока, его творчеством, с одной стороны, и христианским планом функционирования романа – с другой. Проведены параллели между системой персонажей романа «Доктор Живаго» и стихотворениями А. Блока «Вербочки» и «Рожденные в года глухие». Определена логика трансформации образов персонажей в зависимости от их взаимосвязи с темой детства. С тех же позиций в развитии образов отдельных персонажей выделена статичность. Особое внимание уделено ключевым персонажам – Юрию Живаго, Ларе Гишар-Антиповой, адвокату Комаровскому и Патуге Антипову-Стрельникову. Отдельно рассмотрена роль детских персонажей. Проведена взаимосвязь между темой детства в романе «Доктор Живаго» и ее значением в мифопоэтике Б. Пастернака. Раскрыто функционирование этой темы в контексте поэтического мировоззрения Б. Пастернака. Рассмотрены некоторые моменты творчества Юрия Живаго в их связи с темой детства. Установлена логика воссоздания исторических и географических реалий в романе Б. Пастернака. Определена его постсимволистская специфика в связи с этим.

Ключевые слова: Александр Блок, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, постсимволизм, детство, пасхальный архетип.

Один из первых вариантов заглавия своего романа – «Мальчики и девочки» – Б. Пастернак заимствовал из стихотворения А. Блока «Вербочки»:

Мальчики да девочки
свечечки да вербочки
понесли домой.
<...>
В Воскресенье Вербное
завтра встану первая
для святого дня [2. С. 73].

О значении фигуры А. Блока в «Докторе Живаго» написано немало. Ее функция в романе Б. Пастернака выходит далеко за пределы сюжетообразующей. Рецепция творчества одного из ярчайших русских поэтов-символистов происходит здесь в контексте всей культурной жизни Серебряного века, его реалий, мифов и представлений. Блок–поэт, Блок–пророк, Блок – явление Рождества... Все эти темы органично сливаются с одной – христианской. Блок несет весть о пришествии Христа, его жизнь, неразрывно связанная с творчеством, становится явлением чуда, свидетельством рождения нового и прекрасного [4]. Реминисценция из «Вербочек» дополняет «блоковско-христианский» план функционирования романа и вводит тему Вербного Воскресенья, предваряющего светлый праздник Пасхи. Традиция отмечать этот праздник связана с евангельским сюжетом о приходе Иисуса Христа в Иерусалим, где спасителя торжественно встречали как победителя смерти (незадолго до того Иисус воскресил Лазаря). Это событие верующие воспринимают и как обещание чуда, которое символизирует весна с ее праздниками, и как вступление Христа на путь страдания и смерти, без которой невозможно чудо воскресения.

Исследователи уже не раз проводили параллель между судьбой Юрия Живаго и стезей Христа. Творческий подвиг, который совершает герой роман, а именно – написание стихотворений, вошедших в семнадцатую часть романа, – и есть преодоление смерти в системе философско-художественных координат Пастернака. «“Подражание Христу”, о котором пишет Мандельштам, на языке поэзии Пастернака зовется самоотдачей» [6. С. 564]. Таким образом, структуру романа, выстроенную в виде истории обретения поэтической артикуляции [3], можно интерпретировать как «художественно организованное паломничество к Пасхе, к новой жизни. Начавшись со сцены похорон, роман завершается словами о Воскресении и предстании перед Богом» [5. С. 499]. Однако, вынося в заглавие начальную строку стихотворения Блока, Пастернак не только вводил христианскую тематику в произведение, но и очерчивал круг персонажей, поколение, к которому они принадлежат.

«Пастернаковские “мальчики и девочки”, таким образом, – бытовая проекция и художественная трансформация его литературного поколения, ровесники Маяковского, Ахматовой, Цветаевой и Мандельштама <...> Им тринадцать–пятнадцать в девятьсот пятом, двадцать два – двадцать четыре в четырнадцатом, около тридцати в годы Октябрьской революции и гражданской войны» [11]. В романе эту функцию выполняют первая и вторая части романа («Пятичасовой скорый» и «Девочка из другого круга»). На их страницах основные персонажи предстают еще детьми. Знакомство с ними читателя начинается по кругу: от Юры к Мише и Нике, от Ники к Наде, от Нади к Ларе, Патуле и Юсупке, потом опять от Юры к Тоне и Мише. Наконец, замыкается этот круг первой встречей Юры с Ларой. Параллельно мы видим страшный мир, обрекающий себя на будущие перемены и строящий злключения героям романа. Его олицетворение – адвокат Комаровский, злой гений Юры и Лары, с которого этот круг знакомств косвенно (как виновника тяжелой Юриной судьбы) начинается и им же заканчивается (в сцене первой встречи Юры с Ларой). Примечательно, что Комаровский не показан ребенком и дан изначально к действию романа словно всегда существовал таким. В возрастном отношении этот персонаж статичен, его образ не претерпевает какой-либо значительной эволюции, в чем состоит его принципиальное отличие от остальных главных действующих лиц романа. Существование Комаровского – факт, утверждающий существование извечного зла, которое приспособливается к любым переменам в мире. Даже революция, целью которой провозгласили ниспровержение подобных ему, не тронула всемогущего адвоката: ввиду оставшихся у него связей ему предложили важную должность в Дальневосточной республике. Только появление Лары грозит разбудить в нем ребенка: «Не поддаваться этой мытарящей, сосущей тоске! *Он не мальчик*, он должен понимать, что с ним будет, если из средства развлечения эта *девочка*, дочь его покойного друга, этот *ребенок* (курсив мой. – С.М.), станет предметом его помешательства» [9. С. 48].

Тот же «мир подлости и подлога, где разевшаяся барынька смеет так смотреть на дуралеев-тружеников, а спившаяся жертва этих порядков находит удовольствие в глумлении над себе подобным» [9. С. 33], становится источником несчастий для остальных героев. Достается и Юсупке, которого избивает приставленный к нему мастер, и Патуле Антипову в бунтующей толпе от казаков, и Нике Дудорову, отец которого отбывает срок на каторге. Столкнувшись в детстве с ужасами этого мира, в будущем они будут сводить с ним счеты, творя новый. Судьба сыграет с ними злую шутку – мир останется прежним, принадлежащим Комаровскому и подобным ему. На кону же будет их душевная чистота и искренность. В этом плане примечательна сцена игры Патули и Ники глазами Лары: «Мальчики играли в самую страшную и взрослую из игр, в войну, притом в такую, за участие в которой вешали и ссылали. Но концы башлыков были у них завязаны сзади такими узлами, что это обличало в них детей и обнаруживало, что у них есть еще папы и мамы. Лара смотрела на них, как большая на маленьких. Налет невинности лежал на их опасных забавах. Тот же отпечаток сообщался от них всему остальному. Морозному вечеру, поросшему таким косматым инеем, что вследствие густоты он казался не белым, а черным. Синему двору. Дому напротив, где скрывались мальчики. И главное, главное – револьверным выстрелам, все время щелкавшим оттуда. “Мальчики стреляют”, – думала Лара. Она думала так не о Нике и Патуле, но обо всем стрелявшем городе. “Хорошие, честные мальчики, – думала она. – Хорошие, оттого и стреляют”» [9. С. 52] – и позже: «Весь день она ходила с “тем двором” в душе и все охала и почти вслух размышляла. Подумать только, Брестская, двадцать восемь! И вот опять стрельба, но во сколько раз страшней! Это тебе не “мальчики стреляют”. А мальчики выросли и все – тут, в солдатах, весь простой народ с тех дворов и из таких же деревень. <...> В помещение, стуча палками и костылями, вошли, вбежали и приковыляли инвалиды и не носилочные больные из соседних палат, и наперебой закричали: – События чрезвычайной важности. <...> Революция» 9. С. 129].

Не случайно известие о революции следует сразу за метким наблюдением Лары, ведь такими детьми, как Патуля и Юсупка, была полна вся Россия. Детская игра в войну вылилась в войну настоящую – и мировую (в широком смысле, применительно ко всему человечеству), и гражданскую (в узком, применительно к России). «Далее тема “Мальчиков и девочек”, а точнее тема подросткового максимализма, перерастает в тему “головного” искусственного подхода к жизни, моделирования ее по умозрительным шаблонам» [7. С. 53]. Высыпавшие на петербургские улицы восставшие следуют той же наивной детской логике, по которой они рассчитывают построить новый мир. Естественно, чистоте их помыслов суждено стать обманутой страшным миром. Однако в числе таких обманутых детей оказывается и идеалистический противник Революции – комиссар Гинц, у которого «ощущение подвига, крика

души бессознательно связалось <...> с помостами и трибунами, со стульями, вскочив на которые можно было бросить толпящимся какой-нибудь призыв, что-нибудь зажигательное» [9. С. 153]. Таким образом, исторический ход событий развивается по правилам той же детской игры, только теперь у детей в руках настоящее оружие, и они не стесняются проливать чужую кровь. «Идея негодного устройства мира и необходимости его разрушения» [8. С. 89], по наблюдению исследователей давняя зная о себе в частности в творчестве символистов, теперь активно претворяется в жизнь. Взрослость оказывается маской, необходимой в запутанном мире человеческих отношений? Подлинная искренность и несерьезность отношения к игре во взрослых людей наказываются. Потому адвокат Комаровский так усиленно давит в себе ребенка, пробуждаемого Ларой, потому что понимает: детям в этом мире не выжить.

Напротив, не стесняются подаренного Ларой детства Юрий Живаго и Павел Антипов. Однако если один только затем, чтобы защитить этот дар, отдаст все лучшее в себе в пользу революционного командира Стрельникова и запутается в этой борьбе, так и не достигнув цели, то другой примет его как данность и разовьет в себе, не дав своему ребенку замолчать. Если в начале романа мальчик на могиле матери мог лишь зарыдать от невосполнимой утраты, то теперь, заново обретя потерянное в лице Лары и овладев языком выражения своих чувств, он способен оставить миру сказанное ребенком – свои стихотворения. То, что поэт – это ребенок, взгляд которого на мир предельно внимателен и откровенен, к Пастернаку относится особенно. Глаз ребенка не замылен, дитя смотрит на мир как на неожиданность, как на чудо. В частности, исследователи пишут следующее: «В чем же суть детства как возраста и как состояния души? В ощущении чуда, в слиянности со всем, что есть в мире, в осознании себя частью целого. Все это в высшей степени присуще поэзии Пастернака. <...> И в любви высшим критерием оказывается детскость: детская открытость, свобода, непринужденность. Таковы три чуда детства: бессмертная новизна мира, интуитивное принятие жизни и чистота» [6. С. 11]. Первым об этой особенности творческого мировидения Пастернака сказал еще Юрий Тынянов: «Детство, не хрестоматийное “детство”, а детство как поворот зрения, смешивает вещь и стих, и вещь становится в ряд с нами, а стих можно ощупать руками. Детство оправдывает, делает обязательными образы, вяжущие самые несоизмеримые, разные вещи: “Галчонком глянет Рождество”. Своеобразие языка Пастернака в том, что его трудный язык точнее точного, – это интимный разговор, разговор в детской» [12. С. 184]. А. Ахматова в 1936 году писала о Б. Пастернаке: «Он награжден каким-то вечным детством» [1. С. 426]. Когда мрак московской действительности обступает героев со всех сторон, они видят спасение в сказке, на территорию которой совершают дерзкий побег – не случайно ведь образ Уральской земли наделен чертами заколдованной страны, «тридцатого царства – триединства вод, лесов и гор да сказочных, каких-то двуужильных людей» [13]. Детство – несогласие с подлостью и обманом.

Однако страшный мир не приемлет такого понимания жизни. Лучше всех об этом высказывается представитель этого мира, Комаровский: «Есть некоторый коммунистический стиль. Мало кто подходит под эту мерку. Но никто так явно не нарушает этой манеры жить и думать, как вы, Юрий Андреевич. Не понимаю, зачем гусей дразнить. Вы – насмешка над этим миром, его оскорбление» [9. С. 418]. Страшный мир снова обманывает людей, как будто подменяя их, надевая на них маски: «В течение нескольких следующих дней обнаружилось, до какой степени он одинок. Он никого в этом не винил. Видно, сам он хотел этого и добился. Странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения. Они были гораздо ярче в его воспоминаниях. Повидимому, он раньше их переоценивал» [9. С. 173]. Движимый этими чувствами, Юрий Живаго начинает писать «Игру в людей», мрачный дневник или журнал тех дней, состоявший из прозы, стихов и всякой всячины, внушенной сознанием, что половина людей перестала быть собой и неизвестно что разыгрывает» 9.. С. 183]. В стихотворении «Гамлет», открывающем цикл «Стихотворения Юрия Живаго», представлена ситуация выбора роли, которую лирическому герою предстоит разыграть в драме жизни, заканчивающейся смертью. Человек оказывается заведомо помещенным в систему определенных правил и отношений, соблюдения которых требует от него система, т.е. принятая участниками игра. Верность детству, искренности – козырь Юрия Живаго в этой игре. Это все, что он может противопоставить страшному миру и отклик чему он находит в Ларе Гишар. В частности об этом пишут: «Два героя (Юра и Лара), чьи судьбы отмечены смертью родителя, так и не становятся окончательно взрослыми в романе <...> Ювенилия – и в этом несомненное новаторство Пастернака – понимается как некое личностное начало, перманентное состояние души и сознания, как естественность, близость к природному и непосредственность в восприятии мира. Именно этим, действительно

одаренным натурам, свойственно неосинкретическое восприятие мира, укорененность в нем, прочная связь с основами бытия» [11. С. 67]

Образ Лары имеет свои особенности. «Девочка из другого круга», она взрастет раньше всех в романе: «Теперь она, – как это называется, – теперь она – падшая. Она – женщина из французского романа и завтра пойдет в гимназию сидеть за одной партой с этими девочками, которые по сравнению с ней еще грудные дети. Господи, Господи, как это могло случиться!» [9. С. 46]. Сцена с игрой в войну, самостоятельность Лары и ее покровительственное отношение к Паше Антипову только подчеркивают ее особое место в системе персонажей произведения. Она и жена, и мать, как и «молодая хозяйка Тоня», собирающая в дорогу вещи с такой легкостью, «словно <...> подсказывал ей с улицы какой-то тайный голос» [9. С. 211], т.е. по наитию, от природы данному инстинкту. Если мальчики играют в войны, то девочкам по душе совсем другие игры, которые потом продолжатся во взрослой жизни: «А через минуту она усаживалась поудобнее на середину ковра, и под ее руками игрушки всех видов сплошь превращались в строительный материал, из которого Катенька воздвигала привезенной из города кукле Нинке жилище куда с большим смыслом и более постоянное, чем те чужие меняющиеся пристанища, по которым ее таскали. – Какой инстинкт домовитости, неистребимое влечение к гнезду и порядку! – говорила Лариса Федоровна, из кухни наблюдая игру дочери. – Дети искренни без стеснения и не стыдятся правды, а мы из боязни показаться отсталыми готовы предать самое дорогое, хвалим отталкивающее и поддакиваем непонятному» [9. С. 430]. У женщин – особая роль в жизни мужчин, обычно хранящих верность инфантилизму на протяжении долгих лет жизни. «Ты не можешь себе представить, как это было важно, сколько глупостей натворил Паша из-за этого ребячества. Он пошел на войну, чего никто от него не требовал. <...> С каким-то юношеским, ложно направленным самолюбием он разбился на что-то такое в жизни, на что не обижаются» [9. С. 402].

«Мальчики и девочки» — все они «дети страшных лет России», и с годами это выражение становится только буквальной, как остроумно замечает Иннокентий Дудоров уже в сороковые годы [9. С. 513]. У этих детей нет ничего, кроме вербочек и свечечек, которые они несут как символ надежды и веры в чудо. Ветер и дождь угрожают задуть огонек свечи, и метель еще в силах подняться. По одной из пасхальных примет, ветер, дующий в Пасху, не уймется в течение остального года. Поднявшись в начале века, этот ветер не утихал еще долгие годы и – кто знает – утих ли он до конца? Только вера в чудо Воскресенья, только верность самоотдаче не дали погаснуть свече, зажженной на страницах романа одной зимней морозной ночью в ответ на ползущую отовсюду темноту.

В заключение стоит сказать, что тема детства играет огромную роль в романе «Доктор Живаго». Она функционирует в контексте всего творчества Б. Пастернака во взаимосвязи с его основными творческими принципами и получает закономерное выражение в его финальном романе. Некоторые аспекты этого принадлежат творческой истории произведения и могут быть выявлены только текстологически. Речь идет о возможных вариантах заглавия романа и их связи со стихотворениями А. Блока. Другие аспекты рассматриваемого предмета значимы на уровне художественного мира «Доктора Живаго», являются важными в плане развития сюжета и логики построения системы персонажей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. / Т. I. М.: Эллис Лак, 1998.
2. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. // Т. II. Кн. 2. М.: Наука, 1997.
3. Витт С. Доктор Живопись. О «романах» Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Toronto Slavic Quarterly. № 25. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/vitt15.shtml>.
4. Власов А.С. «Явление Рождества» (А. Блок в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго») // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 87-119.
5. Есаулов И.А. Пасхальный архетип русской литературы и структура романа «Доктор Живаго» // Евангельский текст в русской литературе XVII–XX веков: Цигата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2001. С. 483-499.
6. Кружков Г.М. Детство и игра у Пастернака // Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение. 2001. С. 549–576.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. Учебное пособие: в 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
8. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова: уч. пособие. М.: Изд-во МПУ, 1995.
9. Пастернак Б.Л. «Доктор Живаго» / Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003–2005. Т. 4.

10. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. Коллективная монография / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014.
11. Сухих И. Живаго Жизнь: стихи и стихии (1945–1955. «Доктор Живаго» Б. Пастернака) // Звезда. 2001. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/4/suhih.html>.
12. Тынянов Ю.Н. Промежуток // Поэтика. История литературы. Кино. М.: 1977.
13. Фирсова А.В. Юрятин – Пермь // Интернет-журнал «Филолог». 2003. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_48.

Поступила в редакцию 10.08.2018

Морозов Сергей Викторович, аспирант кафедры теории литературы филологического факультета
 Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
 E-mail: frosttt_78@mail.ru

S.V. Morozov

THE THEME OF CHILDHOOD IN THE NOVEL “DOCTOR ZHIVAGO” BY B. PASTERNAK

This article provides an analysis of the main aspects of childhood's theme in “Doctor Zhivago” by B. Pasternak. The key interrelations between the character system and the Paschal subtext of this work are described. The connection between the figure of A. Blok, his creativity, on the one hand, and the Christian plan for the functioning of the novel, on the other hand, is considered. Parallels are drawn between the character system of the novel “Doctor Zhivago” and the poems of A. Blok “Willows” and “Those born in stagnant year”. The logic of transformation of characters' images depending on their interrelation with the theme of childhood is defined. From the same positions, in the development of images of individual characters, static is highlighted. Particular attention is paid to the key characters – Yuri Zhivago, Lara Gishar-Antipova, lawyer Komarovskiy and Patulya Antipov-Strelnikov. Separately, the role of children's characters is examined. The relationship between the theme of childhood in the novel “Doctor Zhivago” and its significance in mythological poetics of B. Pasternak is established. The functioning of this topic is revealed in the context of B. Pasternak's poetic worldview. Some moments of creativity of Yuri Zhivago in their connection with the theme of childhood are considered. The logic of recreation of historical and geographical realities in the novel by B. Pasternak is clarified. Its postsymbolistic specificity in this connection is defined.

Keywords: Alexander Block, “Doctor Zhivago” by B. Pasternak, postsymbolism, childhood, Paschal archetype.

REFERENCES

1. Ahmatova A.A. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works] / T. I. M.: Ehllis Lak, 1998. (In Russian).
2. Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Collected works] // T. II. Kn. 2. M.: Nauka, 1997. (In Russian).
3. Vitt S. *Doktor Zhivopis'. O «romanah» B. Pasternaka «Doktor Zhivago»* [Doctor Painting. About novels «Doctor Zhivago» by B. Pasternak] // Toronto Slavic Quarterli. [Toronto Slavic Quarterli] № 25. 2006 [Ehlektronnyj resurs]. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/vitt15.shtml>. (In Russian).
4. Vlasov A.S. «Yavlenie Rozhdestva» (A. Blok v romane B. Pasternaka «Doktor Zhivago») [Christmas phenomenon (A. Blok in the novel «Doctor Zhivago» by B. Pasternak)] // Voprosy literatury [Issues of literature]. 2006. № 3. S. 87–119. (In Russian).
5. Esaulov I.A. *Paskhal'nyj arhetip russkoj literatury i struktura romana «Doktor Zhivago»* [Paschal archetype of Russian literature and structure of novel «Doctor Zhivago»] // *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVII–XX vekov: Citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr.* [Gospel text in Russian literature of the XVII–XX centuries: citation, reminiscence, motive, plot, genre]. Petrozavodsk, 2001. S. 483–499. (In Russian).
6. Kruzhkov G.M. *Detstvo i igra u Pasternaka* [Childhood and game in the Pasternak's creativity] // *Nostal'giya obeliskov: Literaturnye mechtaniya* [Nostalgia of the obelisks: Literature dreams]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New literature review]. 2001. S. 549–576. (In Russian).
7. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody. Uchebnoe posobie: v 2 t.* [Modern Russian literature of the 1950–1990-s. Tutorial: in 2 volumes] M.: Izdatel'skij centr «Akademija» [Publishing center «Academy»], 2003. (In Russian).
8. Malygina N.M. *Hudozhestvennyj mir Andrey Platonova: uch. Posobie* [The fiction world of Andrey Platonov: tutorial]. M.: Izd-vo MPU, 1995. (In Russian).
9. Pasternak B.L. «Doktor Zhivago» / Pasternak B.L. *Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t.* [Collected works: in 11 volumes] M.: Slovo/Slovo, 2003–2005. T. 4. (In Russian).

10. Poetika «Doktora Zhivago» v narratologicheskom prochtenii. Kollektivnaya monografiya [Poetics of «Doctor Zhivago» in narratological context. Collective monograph] / Pod red. V.I. Tyupa [edited by V.I. Tyupa]. M.: Intrada, 2014. (In Russian).
11. Suhii I. Zhivago Zhizn': stihii i stihii (1945–1955. «Doktor Zhivago» B. Pasternaka) [Zhivago and Life: poems and elements (1945–1955. «Doctor Zhivago» by B. Pasternak) // Zvezda. 2001. № 4 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/4/suhii.html>. (In Russian).
12. Tynyanov Yu.N. Promezhutok // Poetika. Istorija literatury. Kino. M., 1977. (In Russian).
13. Firsova A.V. Yuryatin – Perm' [Yuryatin – Perm'] // Internet-zhurnal «Filolog» [Online magazine «Philologist»]. 2003. № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_48 (In Russian).

Received 10.08.2018

Morozov S.V., postgraduate student of the Department of theory of literature
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, 119991, Moscow, Russia
E-mail: frosttt_78@mail.ru